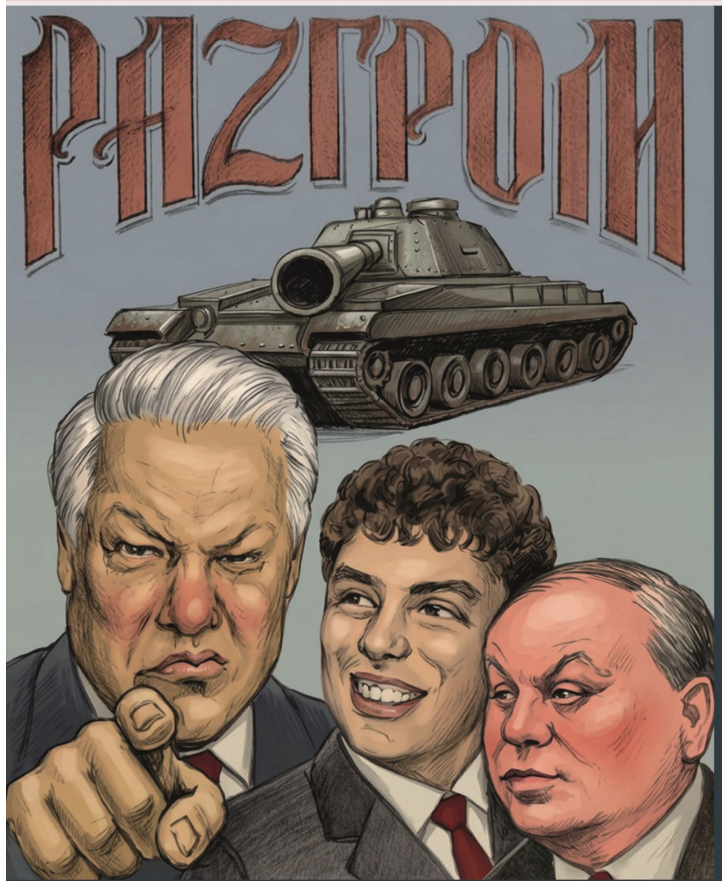

Евгений
НИКИФОРОВ

Евгений Георгиевич Никифоров

Разгром

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73907392

Разгром. Сборник: Перо; Москва; 2026

ISBN 978-5-00270-792-8

Аннотация

В Державе случился переполох, очень похожий на путч. После царит эйфория. Действуют или бездействуют: Президент Страны, он же в элитах Комбайнёр, а в народе Меченый, республиканский президент Орис Ермолаич Охлобыкин, закулисный «стропальщик» в вечно мятом сером костюме Чубик (Рыжий), младореформаторы Клемцов да Гайдук с «законником» Бухраем... А народ внизу после победы демократии расслабляясь вопреки антиалкогольному закону, грезит о сущих переменах и мечтает о богатом и безоблачном будущем.

Содержание

Разгром	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Евгений Никифоров
Разгром
Сборник

* * *

© Никифоров Е.Г., 2026

Разгром

Роман

*Но благородная ненависть наша
Вместе с любовью живет.*

Владимир Высоцкий

На задворках помпезного Дома Советов, что на Пресне, у приземистого служебного здания, почти скрытого глянцево-лиственной тополей, прямо под входной дверью лежал внушительного размера коричневый баклажан. Впрочем, если строго придраться к форме, предмет этот не совсем походил на слегка подпорченный тлением упомянутый овощ оттого, что неистовый напор, с каким он был в белый свет высажен, завернул почти полный овал, и загогулина всё же больше смахивала на сильно распухшую коляску краковской. Досужий прохожий, окажись он в этом месте сумрачным утром, до появления трудяги дворника, в недоумении поскрёб бы пятернёй затылок: кто побывал здесь, чтобы оставить на всеобщем обозрении столь недвусмысленный аргумент? Брутальный снежный гуманоид? А может, таким способом пометил свою территорию дерзкий и неуловимый йети? Здравый смысл нудно нашептывал, что творением слабых сил человеческих это никак не могло быть – не тот калибр. То-

гда, черт возьми, кто же? Но тут наш пытливый виртуальный прохожий задумался бы основательней – и тотчас картина недавних дней и ночей зримо всплыла бы перед его глазами: нервная сумятица толпы, злобный ор тысяч глоток, утробный рык танковых дизелей да зловещий лязг стальных гусениц. По счастью, до обильной кровавой клюквы дело тогда не дошло. И сразу привиделось бы прохожему, как один из отчаянных апологетов счастливого будущего, на минутку покинув оцетинившуюся баррикаду, по-сайгачьи заскакивает за случайный угол, чтобы оставить здесь свой пахучий, дымящийся нутряным паром след. А в шальные судьбоносные моменты, как известно, широко раскрывается телесная чакра, и тогда даже самый никчемный в каждодневной суете человек может выкинуть весьма выдающийся фортель.

* * *

Обширное трехцветное полотнище хлопало на ветру, словно живое рвалось из рук демонстрантов. Людские головы при взгляде с высоты птичьего полета – будто черная зернистая икра на гигантском ломте площади, и, чудится, вот-вот раскроет свой изящный ротик госпожа История, дабы сглотнуть в очередной раз столь лакомый шмат. А нынче так много высыпало народу, чтобы проводить героев в последний путь: три грузовика с откинутыми бортами, на которые монументально воздвигнуты гробы, а за ними, растянув во

всю гулливерову длину державное знамя, волной течет молчаливая толпа...

Гордей узрел эту картинку в прямой трансляции на первом телеканале. Едва услышав трагический голос комментатора, он, не раздумывая, заскочил в купе вагона, будто навсегда приржавевшего к рельсам железнодорожного отстойника, что позади Ваганьковского кладбища.

В крохотном помещении теснились милицейский старлей и той же службы сержант, было жутко накурено, однако никто, казалось, не замечал наглухо задраенного окна. На откидном столике стоял переносной телевизор «Юность» с выдернутыми на полную длину усами антенны, но все равно изображение временами плавало, кривилось, сплющивая или растягивая церемонию траурной процессии.

Стражи правопорядка повернули головы в сторону Гордея и недоуменно уставились на него:

– Ты как сюда попал, малый?

– Ваши надсмотрщики пропустили. Да что вы, тащсташ-нант, в такой день...

– Ладно, чего надо?

– Где сейчас идут похоронщики?

– По Садовому кольцу. А тебе это зачем?

– Исторический момент! Хочу хоть одним глазком взглянуть на героев вблизи, потому как во время путча ни в чем поучаствовать не пришлось. Не вовремя послали в командировку за полтыщи верст от златоглавой.

– Ну-ну, тогда ошиваться тебе здесь нечего. Дуй к главным воротам кладбища, пока не поздно.

Гордей соскочил с подножки. В сторонке, на засыпанной щебнем обочине его с нетерпением поджидали, переминались с ноги на ногу Колька-танкист и еще одна приبلудная дамочка.

Колька, дружок, в свое время выполнял интернациональный долг в Афганистане, сидел за рычагами легендарной «шестидесятдвойки». Ухарски рассказывал, как однажды в предгорьях Пули-Хумри пришлось стальными гусеницами раскатать в блин дюжину драпавших бородачей. Утром, когда собирались на траурное мероприятие, Гордей присоветовал ему нарядиться в парадный китель, на котором серебряным кружком блестела медаль «За отвагу».

Дамочка же, пятидесятилетняя преподавательница столичной консерватории, пристала к ним как банный лист еще в пестрой толчее Манежной площади.

У кованой оградки Александровского сада, выслушав траурную речь Президента Страны, оживленно галдели:

– Что теперь с этими говнюками сделают?

– С кем?

– Да с путчистами.

– А что с ними делать? Прислонить к стенке да шлепнуть.

Один вон уже не стал дожидаться мести народной – сам закатал себе пулю в лоб!

– По-хорошему, развесить бы их на ёлках у Кремля, как

праздничные гирлянды. Да ведь опять разведут бодягу господу гуманисты.

Гордей осматривался вокруг – согласно драматическому моменту, лица сограждан были сплошь сосредоточенные, а некоторые даже густо заретушированы неподдельной скорбью. В голове эхом звучал глуховатый, с мягким южнорусским «гэканьем» спич Президента Страны – что-то в его тембре проскальзывало будто неискреннее.

– Николай, как думаешь, ему взаправду было трудно говорить, «глядя в мертвые лица павших героев»?

– Кому? Меченому? Врет, наверняка! Ты видел, какой густой малиной налилась у него отметина на лбу? Это неспроста. Это, как гуторят хохлы, пэрший ознак брэхни.

– Вот-вот. Еще нужно докопаться, не спецом ли он загодя свалил на юга, чтоб, в случ-чего, не вешали на него собак, коль вдруг заварушка не срастётся. А сам-то, небось, в одной упряжке с путчистами сайгачил!

– Угу, я тоже прикидываю, что без его зачина здесь никак не обошлось. Уж больно он противный да скользкий – и нашим, и вашим.

– Слышь, Колян, вдруг в бестолковке мелькнула шальная мысль: а не мотануться ль нам к кладбищу? А то здесь народу чересчур много, никак к домовинам усопших героев не протолкаться.

– А ты что непременно желаешь узреть мертвецов вплотную?

– Ну, а как же! Как-никак, на наших глазах история лепится. Старпёром потом будешь вспоминать.

– Это уж наверняка. И чувю, у тебя созрел какой-то конкретный план?

– Само собой. Сейчас мигом подскочим на таксомоторе к Ваганьковскому погосту. Если там ментовское оцепление, закоулками да глухими тропами выведу тебя куда надо – знаю эту местность как свои пять.

– Интересно, откуда?

– Наводил раньше справки об этом кладбище. Там ведь, кроме нашего замечательного хриплого барда, улеглась уйма известных личностей – и Есенин, и оба Даля. Опять же могучий Борис Андреев, красавчик Вадим Спиридонов, монументальный Рюрик Ивнев...

– А это еще кто такой?

– Темнота! Ивнев – весьма колоритный литератор-имажинист из окружения скандального деревенского поэта. – Гордей ухмыльнулся. – Как-то с приятелем-одноклассником, изрядно насосавшись пива, мы стихи подорвались читать на могилке Сергея Александровича. И это, представь, крошечной осенней ночью.

– Лирики, ядрёна мать. А как на кладбище проникли? Там ведь после девятнадцати ноль-ноль наглухо заперто.

– Элементарно. Перемахнули через ограду.

– Ловкачи! И впотьмах не потерялись?

– Да уж, заблудиться было немудрено, ведь на погосте фо-

нари светят только на Центральной аллее. Но я, как ты понимаешь, заранее был готов, изучил всяческие подходы. Поэтому легко могу теперь трудиться в тех краях Иваном Сусаниным.

Внезапно в разговор друзей встряли со стороны:

– Ребята, а можно и мне с вами?

Гордей с Колькой быстро переглянулись. Перед ними стояла расфуфыренная дамочка в короткой, чуть ниже коленей юбке и стильном белом пиджачке, на лацкане которого красовался значок с алым сердечком. В руках – на тонком ремешке ридикюль. Лицо, как будто восточного типа, было слегка одутловатое, но с умело наложенной косметикой. Накрашенные губы кривились в извиняющей улыбке. Еще Гордею бросилась в глаза родинка размером с полгорошины на правой стороне подбородка. Дама, по виду лет пятидесяти, деловито продолжила:

– Случайно услышала, что вы собираетесь на кладбище. А я, мальчики, тоже жажду приобщиться к истории. За такси, естественно, заплачу.

Гордей еще раз пристальной оглядел тетку: относительно стройная фигура с плоской, задрапированной лацканами пиджака грудью, но с сохранившейся талией и уже заметно начавшими наливаться жирком ляжками; стильный, крашенный в модную рыжину причесон, пикантный аромат французских духов. А что, это даже забавно – куролесить по городу в скорбный час с этакой возрастной фифой.

– Что – интеллигенцию на приключения потянуло?

– Вы, молодой человек, верно подметили: такое бывает только раз в жизни. Это как рабочее восстание на Красной Пресне или какой-нибудь, ну не знаю, кронштадтский мятеж.

– Ладно, давайте знакомиться. И надо уже выбираться из давки да поскорей ловить тачку, пока есть люфт во времени.

– Меня зовут Римма.

– Без отчества?

– А зачем? Как вы, душой я молода.

– Похвально. Я – Гордей, а рядом со мной Николай, танкист, герой Афганской войны.

– Да, вижу медаль «За отвагу». И очень польщена возможностью оказаться в такой компании.

Верховное начальство на тот момент с Манежки незаметно умелось, и толпа начала потихоньку шевелиться, раскачиваться, струнулась, наконец, с места и потекла мощной рекой за тремя монументальными гробами.

– Айда на волю!

Как при марафонском заплыве загребая руками, Гордей пробивал прорехи в плотной толпе, решительно прокладывая себе путь. За ним трусцой поспешал Колька, дамочка тоже старалась не отставать. Пипл реагировал по-разному, но, в основном, пропускал торопыг без крикливого гвалта, чтобы непотребными воплями не смазать величия момента. На то и был сделан Гордеем хитрый расчет.

Когда выгребли к краю людского моря, Гордей, смекнув, что процессия движется к проспекту Калинина, стопы свои повернул в другую сторону, туда, где копошилась обычная городская жизнь, и вполне по-будничному ходил общественный транспорт. Пришлось, однако, прошлепать с полкилометра, пока на горизонте не появилась свободная лайба с шашечками на борту. Правда, квадратная морда таксиста за лобовым стеклом не сулила ничего доброго, но Гордей знал, как вести себя с этими прохиндеями, и потому, подойдя, смело завел с ним диалог:

– Шефчик, треба мухой долететь до Ваганьковского кладбища. Что будет стоить?

Тот с сомнением покачал головой:

– А не проще ли на городском транспорте доехать? Или вообще пешкодралом. Здесь ведь не так далеко – версты три с гаком.

– А у тебя что – бензин кончился?

– Ха, горючки в баке под горло. Только жду клиентов в дальние края – в Чертаново, там, или в Медведково. А может, кто невзначай и в «Шарик» намылится.

Гордей передразнил водилу известной бардовской фразой:

– Ему же в Химки, а мне в Медведки! – бросил через плечо взгляд на расфуфыренную дамочку. – Прикинь, какая со мной солидная тетя! Вези в Ваганьково, башляем три конца. Сейчас там уйма народу, государственное погребение на но-

су. А после подцепишь клиентов в свою тмутаракань. Ну?

Тот поколебался чуток:

– Садитесь, коли так. Но попрошу бáшли вперед.

На душе стало заметно вольготней, когда стартанули, и Гордей сунул в потную жадную ладонь смятую трёшку, суетливо переданную консерваторкой, примостившейся с Колькой на заднем сиденье. Судя по всему, погост по полной программе окружён ментами, но фора во времени теперь заметно увеличивалась, а значит, вероятность нащупать прореху в милицейском заслоне становилась совсем осязаемой. Не могёт такого быть, чтобы нам никаких ходов не найти!

Шеф крутил баранку, зорко поглядывал по сторонам. Город, и впрямь, будто построжел за эти часы: на всё словно наброшена была серая вуаль вселенской печали.

Гордей не любил подолгу молчать. Зыркнув в зеркало заднего вида и наткнувшись в нем на ответный взгляд дамочки, решил легко подначить ее, чисто, чтоб понаблюдать за реакцией:

– Римма – мужское имя. Вы в курсе?

– Да что вы говорите?!

– Совершенно точно. Инна, Пинна и Римма – ученики святого апостола Андрея, родом из северной земли Великой Скифии.

– Впервые об этом слышу, Гордей. Удивительно!

– Еще они обозначены в святцах как первые русские святые мученики. Если учесть, что данное человеку имя по-лю-

бому влияет на его характер, то вы, должно быть, весьма решительная, не сказать упёртая, и целеустремленная дама. Да, наверняка, очень-очень себе на уме.

Консерваторка вежливо улыбнулась:

– Да уж, решительная. То-то гляжу, что все мужики, выражаясь молодежным сленгом, от меня по жизни в полном отпаде.

Мордастый таксист не выдержал:

– Извиняюсь, в отпаде – это как?

– Отпадают и отпадают пачками!

Гордей не уступил инициативы:

– А это хорошо или плохо?

– С какой стороны посмотреть. Вроде, и хорошо, а в иные моменты – так не очень.

– Значит, стержень в характере все же есть? Как у известной поэтессы Риммы Казаковой и у знаменитой актрисы Риммы Марковой. Обе они – ого-го бой-бабы.

Карие глаза консерваторки мигом сделались цвета гагата:

– Что поделаешь, коль мужиков со стержнем нынче трудно найти. Приходится самой поворачиваться, брать всё в свои руки.

– Ух-х ты! – таксёр резко рванул руль влево, и машина на полкорпуса выскочила на встречную полосу. Гордей, сидевший влоботорота к собеседнице, едва башкой не вlepился в лобовое стекло, спасла отменная реакция.

– Ты что творишь, шеф?!

– Эти его мать, этот козел, видать, забыл, что ему налево поворачивать. Как меня сейчас подрезал!

Впереди, завершая маневр, втискивался в ряд помятый, в разводах ржавчины «жигуленок». «Волга» вернулась на свою полосу.

– Тихо, шефчик, постарайся без просторечий, интеллигенцию ведь везешь.

Физиономия водилы налилась краской, глаза заблестели:

– Я извиняюсь, дамочка, – перевел дух. – Так вы утверждаете, что настоящих мужиков днем с огнем не найти. Это, допустим, в общем-то спорное утверждение. Но что за напасть, когда такой вот тряпочный дядя во главе государства стоит?

– Вы кого-то конкретно имеете в виду?

– Я имею в виду нашего верховода с красной отметиной на лбу. Ярого борца с пьянством и алкоголизмом. Не иначе, как хитростью и изворотливостью выбился наверх. А ведь такое огромное хозяйство вести, пардон, не бубенцами трясти. Ну, совсем он, болезный, не тянет как державник. Потому что всю жизнь под пятой у своей бойкой бабёнки. А женщины в политике – полные куры. Как вам это мое замечание?

Гордей усмехнулся про себя: получалось, что в тесном салоне автомобиля с его тонкой подачи разворачивалась острая дискуссия.

– Вообще-то, в быту я остаюсь при своем мнении. Но касательно государственных деятелей, вы, пожалуй, недалеки

от истины. Политика – грязное дело, и заниматься ею должны исключительно мужчины. Но тогда уж мужчины жёсткие, где-то даже циничные, способные, если надо, на очень решительные поступки. Тот, о ком вы говорите, не такой. Мягкотелый слишком. К тому ж, увы, не стратег. Поэтому мы и пришли в итоге к той ситуации, в которой сейчас находимся.

Таксёр удивленно бросил косяк на зеркало заднего вида:

– Вы о-очень способная тётенька и вести с вами беседу одно удовольствие. Жаль, что поездка у нас такая короткая!

Действительно, впереди уже замаячили каменные столбы ограды Ваганьковского кладбища и, по мере приближения к ней, людская толпа густела прямо на глазах. У главного входа вообще творилось что-то невообразимое, суровый милицейский кордон стоял в три ряда.

– Вот это да! – подал заунывный голос Колька. – А не зря мы сюда прикатили? По-моему, здесь ловить нечего!

Гордей поначалу тоже был слегка обескуражен таким положением дел, но бодрился, старался совсем не подавать виду:

– Ты, шефчик, проезжай дальше и сворачивай за угол, а затем дуй прямо к трамвайной линии. Там место не должно быть людным, там нас и выбросишь. Попробуем зайти на погост с глубокого тыла.

Но проехали еще с полторы сотни метров, свернули за угол, а цепочка людей в серой форме никак не заканчивалась, лишь заметно редела. Прямо на трамвайных рельсах,

возле каких-то диких зарослей кустов Гордей решил высидеться:

– Все, амба. Дальше нужно топтать ножками.

Безусые менты-срочники из оцепления не без любопытства взирали на странную тройцу, двоих молодых парней и тётю, годившуюся им в матери. Однако дамочка, грациозно выпорхнув из такси, как ни в чем не бывало накрутила на руку ремешок ридикуля, короткими быстрыми движениями разгладила на бедрах юбку. Наконец, подправила причёску и подкупающе улыбнулась:

– К героическим свершениям готова! – и ни тени беспокойства по поводу совместной прогулки в дебри с едва знакомыми молодыми людьми...

Вот тогда-то Гордей и заскочил в купе вагона, стоящего на вечном приколе, чтобы разведать оперативную обстановку. Вскоре возвратился к своим спутникам с обнадеживающей вестью:

– Процессия движется по Садовому кольцу, так что, как минимум, два часа в запасе имеем.

Колька ехидно ухмыльнулся:

– Если б я имел коня – это был бы номер, если б конь имел меня, я б, наверно, помер. Ты посмотри, что творится вокруг – одни серые люди!

Гордей скользнул взглядом вдоль железнодорожного полотна: цепочка замерших истуканов в мышинном обмундировании тянулась сколько хватало глаз и исчезала за плавным

поворотом.

– Не паникуй, танкист, прорвемся. Там дальше большой склад с глухим забором. Не выставили же они людей бетонную стену охранять?

– Ага, а ты на нее дуриком полезешь?

Римма вышагивала немного в стороне, там, где было меньше щебня – по колдобинам на каблуках не очень-то находишься, и Гордей исподтишка окинул пристальным взглядом ее фигуру. Теперь дамочка казалась даже чуть долговязой, шаг был степенный, коленки терлись друг о дружку, а тонкие щиколотки разлетались в разные стороны, что выглядело со стороны несколько забавно: эдакая своенравная великовозрастная лошадка.

У бетонного забора железнодорожного склада оцепление сходило почти на нет, и первая дерзкая попытка напрашивалась уже здесь сама собой. Гордей с независимым видом подвалил к крайнему милиционеру, был тот в звании младшего сержанта и возрастом едва ли старше двадцатника:

– А что, командир, можно ли по этой тропке к погосту пройти?

– Никак нет!

– Это почему же?

– Не велено никого пускать.

– Так мы к родственникам на могилку идем помянуть, – Гордей совсем отпустил тормоза, небрежно кивнул на Римму. – Вот и тетушка моя не даст соврать!

Молоденький милиционер поначалу с подозрением оглядел расфуфыренную дамочку, которая как бы в подтверждение энергично нагнула голову, а потом уже всю троицу:

– Не велено сейчас никого пускать. К родственникам на могилку за ради Бога. Но только после семнадцати часов.

– А...

– Отставить разговоры! – откуда ни возьмись возник перед глазами грозный офицер, вынырнул из-за крайнего вагона поржавевшего состава. – Лукьянов, на инструктаже чётко было сказано болтовню с гражданами не разводить!

– Товарищ лейтенант...

– Для непонятливых поясняю тут еще раз: родственные могилы посещаются сразу после снятия оцепления. То есть, начиная с семнадцати ноль-ноль!

– Ясенько. Облом, значит.

Минуты три шли молча, все более удаляясь за поворот. Наконец, Гордей обратился к Римме:

– Благодарю, что поддержали мою невольную ложь.

Колька вздохнул:

– Непруха какая-то. Что теперь будем делать?

– Думаю, лезть поверх ограды не комильфо – не бросать же на произвол судьбы работницу культуры. Надо выискивать прорехи в заборе.

Приятный сюрприз, однако, ожидал их уже спустя несколько десятков метров – как говорится, страждущий да обрящет. Буйная растительность, много лет упиравшаяся в

холодный бетон, в конце концов, его одолела: вставные секции ограды, сложившиеся, словно картонные, одна на другую, валялись тут же; из пролома торчали могучие ветви разросшейся ивы.

– Ну, чувак, ты – кудесник! Откуда об этом догадался? – танкист не сдерживал своего ликования.

Гордей вяло отмахнулся:

– При нашем повальном раздолбайстве не может такого быть, чтобы где-нибудь что-нибудь да не обвалилось.

Они быстро осмотрелись по сторонам – ни единой души вокруг, ничего, кроме немых рядов вагонов. Где-то в отдалении издавал трубные звуки тепловоз, и тяжело погромыхивал колесными парами груженный транзитный состав.

– Ну, тогда веди нас в чащобу, Сусанин!

Дремучие заросли, однако, форсировали не без труда и, главным образом, из-за неуклюжей на каблуках консерваторки. Кое-как перемахнули через наполненную водой канаву. При этом, правда, Гордею пришлось решительно подхватить подмышки тонко пискнувшую дамочку. Так и оказались на территории охраняемого склада. Колька, будто заправский вояка, – сразу, видать, полыхнул в памяти огненный Афган – подал условный знак пригнуться. За грудой чумазой бочкотары мигом присели на корточки. Гордей недоуменно воззрился на товарища, тот сделал квадратные глаза и полупшепотом выдавил из себя:

– Какие-то гражданские люди парами патрулируют склад.

Может, это кадры Конторы? Два угрюмых мужика прогуливаются совсем неподалеку от нас.

– Забавно. Отсюда до погоста рукой подать. Видишь высокие деревья прямо по курсу? Там уже территория кладбища.

Присевшая на корточки утонченная консерваторка в своем белоснежном пиджачке и короткой юбке смотрелась весьма экзотически на фоне промышленного пейзажа. Гордей улыбнулся:

– Римма, вы не особо переживайте – цель нашего похода очень близка. А попадем на погост, скрываться тогда не будет необходимости, – Гордей чуть замешкался и продолжил. – Там вас ждет один маленький сюрприз.

И опять ему попался на глаза значок с аленьким сердечком на лацкане пиджака.

Осторожно выглядывая из укрытий и применяя короткие перебежки, они в четверть часа преодолели отрезок пути, отделявший их от заветной рощицы, в которой маячили разнокалиберные надгробные памятники и покосившиеся кресты. Тотчас же в нос пахнула приторно-сладкая волна плесени и тления.

Забор кладбища, сверху увитый, как высохшим плющом, поржавевшей колючей проволокой, был удручающе ветхим. Гордей пнул ногой в черное от гнили место и легко отделил пару замшелых досок, чтобы обеспечить лаз. Субтильный танкист пролез в щель проворно, как, верно, нырял раньше в

люк своего стального монстра. Дамочка же неловко застряла в заборе местом пониже талии.

– Чувствую себя как партизан в тылу врага, – уже не особо таясь, почти в полный голос загомонил Колька. – Само по себе удивительно, что нам удалось просочиться сквозь плотный милицейско-гэбистский заслон!

Гордей, все еще зависая на территории склада и имея перед собой проблемное препятствие в виде застрявшей женской округлости, не шибко-то спешил разделить восторг напарника, вполголоса осадил горлопана:

– Ты кипиш тут раньше времени не поднимай, – и галантно нагнулся к застывшей в неудобной позе консерваторке. – Римма, удивительная вы наша, разрешите вас чуть-чуть подтолкнуть сзади?

Попа оказалась мягкой и податливой. «Должно быть, у дамочки наклёвываются проблемы с целлюлитом», – мелькнуло в голове, но тотчас пропало. Слегка испачкавшись, консерваторка, присоединилась к доблестному воину-«афганцу», а там уж и сам Гордей убрался из небезопасного сектора.

Свежий ветер налетал короткими порывами и, как тряпки, колыхал унылые ветви плакучих берез. Дама, поплевав на носовой платок, извлеченный из ридикюля, принялась счищать с пиджака ажурные кружева паутины. Гордей галантно подошел к ней со спины, чтобы помочь:

– Вы, ради Бога, извините, что пришлось заставить культурную женщину вот так лазать по буеракам. Сами видите,

какая нервная обстановка вокруг.

Дамочка живо обернулась и вскинула на него свои таинственные карие глаза. В них горел уже какой-то внутренний огонь, причину которого сразу понять было не так-то просто.

– Ничего, Гордей, не укоряйте себя, я сама напросилась на это странное приключение. Сегодня очень необычный день, вот в чем дело. Нам надо. Можно на минутку покинуть вашу компанию?

Гордей будто спохватился:

– Да, да, конечно, мне самому нужно было догадаться и вам предложить. Потом ведь, среди могил, делать этого будет нельзя. А здесь овраг, самое отдаленное, глухое место. Давайте ненадолго разделимся – мальчики налево, девочки направо...

Они с Колькой добросовестно подмывали ветхий забор, а Гордей сквозь щели в досках зорко наблюдал, не случился ли на складе переполох, когда танкист внезапно повернул к нему узкое лицо:

– Ты заметил, какие у нее чумовые коричневые глаза?

– Ну, заметил. И что? А почему – чумовые?

– Потому. Терпеть не могу такие с Афгана! Однажды встали с мотострелками на окраине кишлака Махмудраки. Селение будто вымершее. По связи приказали быть начеку. И вижу я в свой триплекс – из-за крайнего дувала таращатся на нас такие вот коричневые глаза. Была в них бездна ненависти. А после в одном из переулков пехотинцы нарвались

на засаду.

– Колян, отвлекись ты от своей войны. Перестройся. Сейчас другая тема в ходу. И тетка прицепилась к нам культурная, хотя, согласен, и с необыкновенно жгучим восточным взором.

Консерваторка вернулась из-за кустов достаточно скоро и сразу живо поинтересовалась:

– Гордей, а ведь вы обещали мне какой-то сюрприз?

– О да, Римма, я заранее предполагал, что наше путешествие может становиться временами скучноватым, и потому прихватил с собой кое-что, – Гордей чуток помедлил и вытянул, наконец, из наплечной сумки бутылку коньяка. – И пластиковые стаканчики у меня в наличии.

– Ну-у, ваш товарищ Николай оказался совершенно прав – вы настоящий кудесник. Пятизвездочный араратский коньяк – и где? На кладбище! Это чертовски необычно и, я бы особо подчеркнула, романтично!

– Времени у нас в запасе – немногим больше часа. Значит, для зачина, дерябнем по полста, прогуляемся по задворкам, я покажу вам избранные места. А там, чуть подальше, уже на подходе к могиле Есенина, накатим еще, чтобы к началу церемонии быть в нужной кондиции. Идет?

– Идет!

– А закусить есть чем? – скромно спросила Римма.

– Особой закуси нет, – Гордей пошарил в сумке и вслед за пластиковыми стаканами достал пяток обломанных галет. –

Вот: чем богаты, тем и рады. Колян, наливай!

Махнули по-походному, по чуть-чуть, наскоро зажевали дозу сухомяткой и гуськом двинулись по косогору вверх, проламываясь сквозь заросли бузины и громадных лопухов, на ощупь шершавых, как наждачная бумага.

На ближайшей аллее, расчищенной от дикой зелени, дышать стало заметно легче. Гордей чувял тепло, приятной волной разливавшееся по телу, ощущал, как непонятная нервозность, ни с того ни с сего угнездившаяся в нем, отступает. Заметно порозовели лица и у его спутников. Вскоре троица остановилась возле глыбы памятника Бауману.

– Здесь покоится человек, убитый ударом обрезка трубы по голове. Притом, что сам не смог воспользоваться незаконным пистолетом, чересчур запоздало выхваченным из кармана.

– Кто же его так приложил? И за что? – дамочка пристально вглядывалась в бронзовое лицо революционера. – Ничего, приятный такой был мужчинка.

– Красавца ухлопал монархист, бывший лейб-гвардеец. Наказал смутьяна за назойливую большевистскую агитацию, – Гордей был рад блеснуть эрудицией. – А рядом навеки прилег еще один исторический персонаж, который сдуру когда-то брякнул: «Караул устал!» – и сотни бородатых дядек, депутатов Учредительного собрания, были вынуждены разбрестись по домам не солоно хлебавши. Но в оконцовке его стрельнули в спину свои же коммуняки – так в то время

болтали злые языки. Припомнили былое увлечение анархизмом.

– Не жалуете вы коммунистов, Гордей.

– А за что ж их жаловать? – энергично встрял в диалог Колька-танкист. – Семьдесят с лишком лет гнобили народ. Вот и сейчас зачинили путч, чтобы не лишиться своих привилегий!

– Здорово у нас нынче получается. Настоящая экскурсия из прошлого в настоящее. И вот теперь идем провожать в историю очередных героев. Или, все-таки, они чисто ритуальные жертвы? Как и большинство их предшественников?

– Черт его знает, время рассудит. Сдается мне, коль вспыхнул меж нами такой оживленный дискурс, надо двигаться дальше и у монумента жертвам Ходынки еще жахнуть по маленькой.

– Повестка дня принимается единогласно!

Покрытый мхом огромный обелиск с навершием в виде стилизованного креста, к которому они вскоре подошли, в очередной раз впечатлил Гордея. Пораженные увиденным стояли и его примолкшие спутники. Наконец, Римма разлепила ярко накрашенные губы:

– А сколько людей нашли здесь свой последний приют?

– По разным подсчетам, больше тысячи. Просто тех, кого сразу удалось опознать, развезли для погребения по своим церковным приходам.

– Ничего не скажешь, круто начал свое царствование Ни-

колай Кровавый.

Повторные полста грамм прокатились по языку и гортани гораздо деликатней – даже закуски не потребовалось.

Путешествие по городу мертвых с каждым шагом становилось фееричней. На душе уже сладко пели свирели, и в ушах стучали серебряные молоточки. Но всегда стережет нас где-то рядом засада. На Писательской аллее, о чем своевременно известил указатель на кривоватом столбе, консерваторка запнулась каблуком о корень могучего клёна и шлёпнулась бы оземь, как на лету подстреленная белая птица, если б не подскочивший под руку танкист. Колян схватил даму под локоток, и тут же пришел другу на помощь, чертыхаясь, Гордей. Вот те на! Римма смотрела на них осовелым взглядом, взмокшее в испарине лицо ее как-то сразу отяжелело, родинка с черными волосками на подбородке обозначилась грубо.

– Мальчики, красавчики, как с вами комфортно.

– Римма, вы о чем? – Гордей слегка смутился, сам не зная почему.

– Все о том же! – консерваторка почти повисла на его сильной руке. – Напоили женщину, И что теперь?

– А что теперь?

– Теперь нужно за дамой поухаживать!

– Римма, мы сейчас пребываем на погосте и, вообще-то, идем участвовать в траурной церемонии.

Однако взгляд ее коричневых глаз мутнел все больше:

– Одно другому не мешает. Ты, Гордей, ужас, как хорош... рослый, сильный... И Николай тоже ничего.

– Никогда не предполагал, что сотка доброго коньяка может так расслабить человека, – Гордей перемигнулся с Колькой. Тот стоял в сторонке и ухмылялся.

– Ну-у, мальчики, я же, прежде всего, женщина. И, между прочим, оч-чень темпераментная. Как-никак, по корням азербайджанка, – дамочка дернула Гордея за локоть. – Ну, поцелуй же меня, миленький!

Гордей не успел увильнуть, консерваторка вскинулась на цыпочки и навалилась на него плоской грудью. В рот жадно вlepились размалеванные губы, и в подбородок неприятно кольнула жесткими щетинками родинка. У-уф! Лишь спустя мучительные секунды он с трудом отшатнулся и скороговоркой, боясь сорваться на грубость, выпалил:

– Инна... тьфу... Римма... Для начала нужно срочно выпить, а то я пока еще не в нужной кондиции!

У Кольки рот растянулся до ушей как резиновый, но раскатистый хохот танкист все ж сглотнул через силу. Дамочка остреньким язычком плотоядно облизывала смазанную на губах помаду:

– Выпить? Что же, я не откажусь! Но тогда ты от меня, дорогуша, уже не отвяжешься!

Отыскали поблизости оградку с лавочкой, в которой вместо замка в петли калитки был вставлен загнутый гвоздь. Гордей мельком прочёл на унылом памятнике двойную фа-

милию – Похмелкин-Роньшин. В самый раз бодрящая фамилия! И хотя облезлая скамейка была сплошь засыпана жухлым сором, смахнуть его никто отнюдь не потрудился. Консерваторка тяжело плюхнулась на сиденье в своей пижонистой юбке, будто ее уже вовсе не держали ноги.

Нацедить из бутылки треть стакана – пустячное дело. Гордей проворно это исполнил, и дамочка, шумно дыша, лихо вылебала янтарную жидкость. Наконец, неряшливо соря крошками на пиджак, дожевала жалкие галетные крохи, а после уставилась на своих спутников в дымину пьяными глазами:

– Я, ребятки, еще в детсадовские шесть лет испытала первое удовольствие. – голос ее изменился, стал грубее, почти охрип, и мысли, конечно, моментом свернули в амурную колею. – Лежала тогда в больничке с ангиной, и взрослая девочка предложила сделать приятное... Влезла ко мне в постель, пальчиком своим раздрадила. О-о, это был такой фейер... верк, аж искры из глаз! И вы хотите. Х-ха! Чтобы я когда волшебные судороги пропустила?! Да щас!

Колька кисло морщился и теребил на кителе серебряный кружок медали:

– Сейчас всю свою подноготную наружу вывалит, не зря же у нее на лацкане значок с красным сердечком.

– Не иначе, нимфоманка.

– А может, ее нагнуть над плитой да как следует отштукатурить, пока она в таком фривольном настроении?

– Нужно тебе это старое пьяное мясо!

Дамочка уловила в их тихом обмене мнениями что-то негативное, однако силы ее быстро оставляли. Руки безвольно опустились вдоль туловища, теперь она могла лишь тихо бормотать себе под нос:

– Старая. Щас! Чтобы я оргазм. Х-ха! – и голова сексуальной охотницы плавно склонилась к плечу. Тотчас же раздался сипловатый храп.

– Уморили тетку. Что теперь будем делать?

– А что тут сделаешь? Оставим ее на могилке смотреть эротические сны. Сами же отправимся наблюдать печальную церемонию.

– А ее здесь, часом, не обворуют?

– Кто? Покойники? Представляю, ха-ха, как гнойная рука Похмелкина-Роньшина, тянется к пухленькой заднице сладострастницы... Прямо-таки ужастик. Триллер! Но, кроме шуток: тут довольно глухое место, посетителей нет, а позже, я уверен, что очень даже скоро, наша Инна... тьфу, всегда путаю эти странные мужские-женские имена... замечательная наша Римма очухается, – Гордей все же втиснул дамскую сумочку между налитой жирком ляжкой и вялой, с паутинкой синих вен рукой, чтобы вещицу не было заметно со стороны.

– Как же она потом из глуши выберется?

– А ты включи мозги, танкист, очень даже просто – на шум города, на грохот и перезвон трамваев, которые интенсивно

курсируют вдоль забора неподалеку.

Загнутый гвоздь был вновь вставлен в петли калитки, и они неспешно отправились дальше. Но по пути Колька зачем-то несколько раз оглянулся назад.

На асфальтированной площадке возле церкви Словущего Воскресения шумела бурливая, однако негустая толпа, стояли какие-то столы и несколько штативов под видеокамеры. По всему чувствовалось, что процессия уже где-то совсем на подходе, Гордей моментально принялся наводить справки:

– Кто мне подскажет, сколько еще ждать похоронщиков?

Моложавый бородатый мужик в модной рубашке с мягким высоким воротом, широко улыбаясь и показывая идеально ровные зубы, ответил вопросом на вопрос:

– È un giovane interessato al tempo?

– Ух ты, итальяно! Нет, интересуюсь не просто временем, а когда прибудет процессия. Куандо э-э... арривэра ла процессьоне м-м... фунэбре?

– О-о, parli italiano?

– Но-но... молто мале... – Гордей смутился, кивнул танкисту. – Гляди-ка, уже засранцы-иностранцы как тараканы набежали!

Тот прищурился на него подозрительно:

– Откуда знаешь итальянский?

– Да так... нахватался когда-то верхушек в институте, где обучают на дипломатов. Но я свалил со второго курса.

Из толпы обстоятельно ответили:

– По радио передали: катафалки с гробами ползут по Звенигородке. С минуты на минуту будут у кладбища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.